

Оригинальные мысли относительно эстетических воззрений Гете, да и всего его научного и художественного творчества, высказали и выдающиеся ученые XX в. – В. И. Вернадский, В. Гейзенберг и др. Можно только сожалеть, что в наши дни внимание к творчеству Гете не демонстрируют представители науки и культуры. Оно не включается и в учебный процесс. А ведь суждения Гете о красоте природы, разумном отношении человека к ней, заслуживают быть использованными в процессе формирования экологического сознания и экологической культуры учащихся и студентов.

Литература

1. *Гете, И.* Избранные философские произведения / И. Гете. – М., 1964.
2. *Гете, И.* Собр. соч.: В 10 т / И. Гете. – М., 1980. Т. 10.
3. *Карако, П.С.* Природа в художественной литературе / П. С. Карако. – Минск, 2009.
4. *Вернадский, В. И.* О науке / В. И. Вернадский. – Дубна, 1997. Т. 1..

Легчилин А.А. Рецепция немецкой философии в Беларуси и Литве в 19 веке

Проблема рецепции немецкого идеализма в Беларуси и Литве в 19 веке изучена все еще далеко недостаточно, хотя во всех отношениях представляет собой интересное и оригинальное явление в духовной жизни современных белорусского и литовского обществ. Уместно указать и на трудность, с которой неизбежно сталкивается всякий, кто берется за изучение данной проблемы. Периодические издания и философские труды, вышедшие в то время в Литве и Беларуси, сохранились в небольшом количестве экземпляров (некоторые в единичных экземплярах) и относятся к числу исключительно редких и малодоступных изданий. Они отсутствуют даже в крупнейших научных библиотеках Беларуси, Литвы, России, Польши. Именно это обстоятельство значительно усложняет исследование данной проблемы. Мы попытаемся проследить лишь основные тенденции процесса восприятия немецкой философии на протяжении столетия, что нашло

отражение в обширной философской литературе этого длительного периода. Поэтому детально эта проблема может быть представлена, разумеется, в более объемном исследовании.

Начало этому процессу положило влияние, прежде всего, идей И. Канта в конце XVIII–начале XIX века. В то время действовали два неординарных высших учебных заведения – Виленский университет и Полоцкая иезуитская академия. В составе последней функционировали философский и теологический факультеты [1]. В Вильно и Полоцке трудился ряд известных ученых из различных государств Европы, представителей различных национальностей (русских, поляков, немцев, итальянцев, французов др.). На высоком уровне преподавалась философия и смежные с ней учебные дисциплины. Виленскими и полоцкими учеными был подготовлен и опубликован ряд значительных философских трудов преимущественно, в силу сложившихся исторических традиций, на латинском и польском языках. Это были исследования И.Г. Абихта [2], И. Анджиолини [3], В. Бучинского [4], А. Довгирда [5], братьев Яна и Енджея Снядецких и др., которые являются ценнейшими источниками для изучения философской мысли начала XIX века двух народов-соседей, в том числе и для изучения рецепции философии И. Канта. В Вильно и Полоцке, являвшимися уже в то время значительными научными центрами, выходили два различных по своей идейной направленности периодических научных журналов «Виленский дневник» и «Полоцкий ежемесячник», на страницах которых затрагивались и оценивались различные аспекты философии И. Канта. Эти публикации также относятся к числу ценнейших источников для изучения начального этапа рецепции философии немецкого мыслителя в Беларуси и Литве.

Одним из тех, кто первым по достоинству оценил философские, и, прежде всего, социально-политические идеи кенигсбергского мыслителя был уроженец Беларуси, непосредственный слушатель и ученик И. Канта Иосиф Быховец (1778-1845). И. Быховец обучался в Кенигсбергском университете в 1794 году уже на закате научной карьеры И. Канта. Но он не только слушал последние лекции великого мыслителя. Находясь в Кенигсберге, И. Быховец перевел на польский язык и издал в 1796 году только что вышедший там трактат И. Канта «К вечному миру» (1795), в котором излагались

гуманистические идеи установления «вечного мира» между народами.

В 1799 году И. Быховец перевел на польский язык и издал также в Кенигсберге еще одно произведение И. Канта «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», в котором доказывалась закономерность социального прогресса благодаря распространению знаний и преодолению предрассудков, осуждались феодальные порядки, как противоречащие разуму человека. Своими переводами работ И. Канта на польский язык И. Быховец способствовал пропаганде идей политического либерализма. Его переводческая, издательская и комментаторская деятельность шли в одном направлении с устремлениями сторонников либеральных идей в Беларуси и Литве, желанным идеалом для которых была правовая форма организации государства с разделением властей.

Наряду с И. Быховцом высоко оценил философию И. Канта Енджей Снядецкий (1768-1838), профессор химии Виленского университета, брат Яна Снядецкого. В своей речи, произнесенной в начале нового 1799/1800 учебного года, он подчеркнул, что «Критикой чистого разума» И. Кант «заслуженно стяжал себе в ученом мире бессмертную славу» [6].

Оценку Е. Снядецкого разделил куратор Виленского учебного округа А. Чарторыйский, а также тогдашний ректор университета И. Стройновский. Было решено пригласить на кафедру философии в Вильно кого-либо из уже известных кантианцев. Выбор пал на профессора философии Эрлангенского университета И.Г. Абихта (1762-1816), которого А. Чарторыйскому рекомендовал академик Петербургской Академии наук математик Н.И. Фусс (1755-1826). К этому времени И.Г. Абихт был уже известен своей работой, получившей премию Берлинской Академии наук «Прогресс метафизики от Лейбница до Вольфа» (1796), написанной в духе трансцендентального идеализма. В 1804 году И.Г. Абихт прибыл в Вильно. На протяжении двенадцати лет он преподавал здесь логику, метафизику, этику, психологию, введение в философию. Свои лекции он читал на латинском языке. Его пребывание в Вильно не прошло бесследно. Из числа слушателей И.Г. Абихта вышел ряд известных философов своего времени, приверженцев взглядов немецкого мыслителя. В частности, ученик И.Г. Абихта К. Ширма (1791-1866) стал профессором философии Варшавского

университета. Наряду с К.Д. Ширмой известную роль в пропаганде духовного наследия И.Канта в Беларуси и Литве, конкретно, его педагогических взглядов, сыграл другой слушатель Г.И. Абихта, выпускник Виленского университета Я. Бобровский (1777-1823). В 1819 году он перевел и издал в Вильно работу И. Канта «О педагогике», в которой немецкий мыслитель проводил идею смягчения влияния церкви на воспитательный процесс, находясь под значительным влиянием идей Ж.-Ж. Руссо.

Непосредственным учеником И.Г. Абихта был также магистр философии Л. Розвадовский. После окончания Виленского университета (1817) он трудился в гимназии города Слуцка (ныне Минская область), посвятив значительную часть своей жизни изучению и комментированию философии И. Канта. После его смерти (1869) осталось несколько рукописей, важнейшей из которых была «Философская система Канта». До 1905 года рукопись хранилась в библиотеке Слуцкой гимназии. Дальнейшая ее судьба остается пока неизвестной.

Деятельность И.Г. Абихта в Вильно совпала со временем ректорства и активной научной и педагогической деятельностью выдающегося ученого-энциклопедиста того времени, член-корреспондента Петербургской Академии наук Яна Снядецкого (1756-1830). Он был ректором Виленского университета с 1807 по 1815 год, (а профессором университета до 1826 года). Кроме специально математических и астрономических сочинений Я. Снядецким написан ряд философских работ, таких как «О метафизике», «О философии», «Философия человеческого ума» и др. Будучи сторонником сенсуализма французских просветителей XVIII века, он выступил противником априоризма и трансцендентализма И. Канта. Начиная с 1806 года, Я. Снядецкий постоянно обращался к анализу философии И. Канта, полемизировал с ним в ряде своих публикаций [7].

Исходная философская точка зрения Я. Снядецкого представлена, прежде всего, в его статье «О метафизике» (1814) [8]. В ней Я. Снядецкий указывает на необходимость строго отличать настоящую, научную метафизику от «метафизических романов». По его мнению, каждая отрасль знания имеет свою метафизику. Метафизика каждой отрасли науки – это логическая разработка общих принципов, лежащих в ее основании, но отнюдь не ее

критика. Критику основ познавательных способностей Я. Снядецкий считает невозможной и выступает против попыток подобной критики. Другими словами, по его мнению, метафизика возможна, но не как прелиминарная дисциплина и введение в специальные науки, а только как их результат. Она должна основываться на точном знании фактического и теоретического содержания специальных наук. Обращаясь к анализу философии И. Канта. Я. Снядецкий писал: «Из греческих мечтаний выработались европейские (средневековые) странности и умственные aberrации, которые, будучи осмеяны и подавлены науками о реальных предметах, возобновились в конце прошлого и в начале текущего столетия в северной Германии. Они начали распространять в области человеческого знания опустошительную заразу, отвлекая человеческий ум от реальных предметов и направлять его к призракам, задерживая прогресс наук, и погружая их в непроницаемую тьму» [9]. Анализируя философию И.Канта, Я. Снядецкий в этой статье обращает главным образом внимание на неясность изложения, отмечая, что все, что ясно задумано, может быть ясно высказано, а «кто говорит неясно, тот не понимает самого себя» [10]. Наука это область ясных и точных понятий, в ней нет места чему-нибудь темному. «Всякая неясная наука или подозрительна, или ложна» [11].

Критика философии И. Канта составляет главное содержание второй работы Я. Снядецкого «О философии» (1818). Свои возражения против учения немецкого мыслителя Я. Снядецкий сводит к следующим четырем: 1) излишнее недоверие к показаниям органов чувств; 2) операции над невозможным понятием мыслящего существа, которое лишено чувств; 3) недоказанность главных принципов, на которых построено учение И. Канта; 4) неясное изложение и сложная и запутанная терминология.

Первое возражение вытекает у Я. Снядецкого из его «первого правила здоровой философии». Если она не в праве стремиться к познанию трансцендентного, то она должна до известной степени доверять чувствам. Это не исключает, впрочем, необходимости проверки содержащегося в них материала. Показания одного чувства мы проверяем посредством других чувств, все показания посредством логического анализа и сопоставления добытого таким образом материала с известными заранее законами логики и

положительной науки. Таким образом, мы можем придти к убеждению, что цвет, запах, теплота и т. д. не свойственны телам самим по себе. Но, например, мы не в праве предполагать в науке, что тела вовсе не существуют, как нечто имеющее само по себе известное протяжение, так как проверка такого предположения лежит вне всякой возможности; это – трансцендентальный и, следовательно, чуждый науке вопрос. Таково в общих чертах содержание возражения Я. Снядецкого против излишнего недоверия И. Канта к показаниям органов чувств [12].

Что касается второго возражения, то Я. Снядецкий принимает за доказанную и неоспоримую истину основное положение Д. Локка и его последователей: *нет ничего в разуме, чего не было бы раньше в чувствах*. Этого положения он сам в работе не доказывает, так как считает доказательства, приведенные английскими и французскими сенсуалистами, вполне достаточными и неопровержимыми. Лишенное чувств, но мыслящее существо, он считает призрак.

По третьему пункту Я. Снядецкий ограничивается замечанием, что И. Кант не доказал основных положений своего учения, не опровергая однако и того, что И. Кант считал их доказательством. Основой кантовской философии Я. Снядецкий считает не трансцендентальную эстетику, а учение о категориях. Впрочем, по его мнению, И. Кант бесосновательно выдает таблицу категорий за свою собственную; она – не что иное, как измененная таблица категорий Аристотеля. Я. Снядецкий отрицает трансцендентальную идеальность пространства и времени, высказываясь против априорности их созерцания. Он не доказывает своего возражения, а ограничивается лишь замечанием, что факт присутствия в нашем сознании этих созерцаний может быть объяснен, как результат опыта. Об аргументе И. Канта, что, если бы созерцания пространства и времени не были априорными, то теоремы чистой геометрии и чистой механики не могли бы быть аподиктическими суждениями, Я. Снядецкий замечает, что И. Кант, по-видимому, недостаточно глубоко знал математику [13].

Четвертое возражение, относительно неясности изложения и путаности терминологии, является развитием того, что было сказано им по этому поводу в статье «О метафизике» [14].

Свою философскую позицию Я. Снядецкий характеризовал следующими словами: «Я реалист, т. е. в словах я ищу не звука и

ветра, а реального предмета». Эти замечания были связаны с тем, что И. Кант действительно обращался с некоторыми понятиями так, как будто им не соответствовало никакого реального содержания (например, с понятием прямой линии в учении об аналитических и синтетических суждениях).

Уместно отметить, что изложенные идеи Я. Снядецкого, несмотря на их очевидную односторонность, получили в свое время широкую известность в России. В частности, статья Я. Снядецкого «О философии» была переведена на русский язык и опубликована в журнале «Вестник Европы» (1819. № 11), вызвав среди читателей журнала содержательную научную полемику. Статья Я. Снядецкого «О философии» в сокращенном виде в 1956 году была повторно переведена на русский язык и опубликована в сборнике «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей» [15]. Трудно сказать, знали ли составители сборника о переводе этой статьи на русский язык в 1819 году.

Детальный анализ критики Я. Снядецким философии И. Канта дан в работах выпускника Минской губернской гимназии, а впоследствии видного польского философа конца XIX–начала XX века М. Массониуса (1862-1945) [16], а также современного белорусского историка философии Э.К.Дорошевича [17], подметивших односторонний и ограниченный характер этой критики. Нельзя не согласиться с вышеупомянутыми исследователями в том, что она, будучи односторонней и ограниченной и, сочетаясь с высоким научным авторитетом Яна Снядецкого, препятствовала порой правильной, всесторонней оценке философии кенигсбергского мыслителя.

Сказалась она и на деятельности полемизировавшего с Яном Снядецким И.Г.Абихта, которому удалось сохранить место профессора философии в Виленском университете только благодаря поддержке А. Чарторыйского. Под влиянием Я. Снядецкого, И.Г.Абихт попытался смягчить крайности кантовского трансцендентализма, о чем свидетельствовало содержание его работы «Введение в философию», изданной в 1814 году в Вильно на латинском языке. Однако постоянная конфронтация Я. Снядецкого и И.Г.Абихта не могла плодотворно сказаться на научной и педагогической деятельности последнего.

К числу критиков И. Канта относился и уроженец Могилевщины Ангел Довгирд (1776–1835), сменивший И.Г. Абихта на кафедре философии Виленского университета. Он является автором фундаментального труда «Трактат о присущих мышлению правилах или логика теоретическая и практическая», который вышел в Полоцке в 1828 году. В нем дан последовательный анализ «Критики чистого разума» И. Канта, ее основных частей – трансцендентальной эстетики, трансцендентальной аналитики и трансцендентальной диалектики. Именно в гносеологии И. Канта А. Довгирд выявил наиболее слабые субъективно-идеалистические моменты философии кенигсбергского мыслителя. Он подошел к пониманию одного из основных противоречий системы И.Канта – допущению ноуменов и по существу отрицания их существования вне сознания [18]. Критический анализ А. Довгирдом гносеологии И. Канта пробуждал в белорусском и литовском обществе интерес к проблемам теории познания, к философии немецкого мыслителя в целом.

С консервативных позиций критиковали И. Канта профессора Полоцкой иезуитской академии, прежде всего за то, что он опроверг онтологическое доказательство бытия Бога. Наиболее ярким оппонентом был, прежде всего, профессор философии Полоцкой иезуитской академии, один из первых и видных представителей неосхоластики XIX века, итальянец И. Анджиолини (1747-1814). В своих лекциях, читаемых для студентов академии и изданных в Полоцке в 1819 году после смерти их автора, И. Анджиолини неоднократно полемизировал с И. Кантом [19].

Необоснованные выпады против философии И. Канта содержатся и в работе другого известного профессора Полоцкой иезуитской академии, уроженца Беларуси В. Бучинского (1789-1853), в частности, в его трехтомном труде «Основы философии», изданном на латинском языке в Вене в 1843 году [20]. В его основу были положены лекции, читанные их автором для студентов иезуитской академии в Полоцке.

Отдавая должное диалектическому мастерству и обширной научной эрудиции вышеназванных ученых, надо сказать, что их полемика с И. Кантом, даже в глазах их современников, выглядела демонстрацией крайнего консерватизма, выражавшего интересы не успевающих идти в ногу со временем представителей

определенных общественных сил. На этот откровенный и плохо гармонизировавший с эпохой консерватизм указывал, в частности, известный русский историк А.Л. Погодин (1872-1947), кстати, уроженец Витебска. Анализируя публикации профессоров Полоцкой иезуитской академии, он писал: «Главным врагом иезуитов являлась ненавистная им философия Просвещения в лице Вольтера и Руссо; они решились поднимать свою руку даже на Канта» [21].

Интерес к философии И. Канта наблюдался и во второй половине XIX – начале XX века. В частности, значительную роль в популяризации философии И. Канта сыграли выпускники Минской губернской гимназии, известные в свое время ученые – юрист В.Д. Спасович, философы А. Марбург и М. Массониус. Исследованием философии И. Канта занимался также выдающийся теоретик и философ права, уроженец Витебской губернии и выпускник местной гимназии Л.И. Петражицкий (1867-1931). Однако его труд, подводивший итог его исследовательской деятельности в области изучения философии И. Канта, бесследно исчез в издательстве Ягеллонского университета в 20-е годы XX века, «куда был отдан для печати» [22].

К числу менее известных исследователей и популяризаторов философии И. Канта в Беларуси того времени относится А. Аргаматов, преподаватель Полоцкого кадетского корпуса. Его работа «Сознание, самоочевидные истины и мыслимые пространства по Канту и по воззрению современных философов и математиков» вышла в Полоцке в 1910 году. К сожалению, ни о самом авторе, ни о других трудах этого ученого пока ничего не известно. Это актуальная тема исследования для современных историков белорусской философии.

Закрытие самодержавием главных научных центров Литвы и Беларуси – Виленского университета (1832) и Полоцкой иезуитской академии (1820) – содействовало уменьшению интереса к философии И. Канта, пробуждению повышенного внимания сначала к философским идеям Шеллинга, а потом (в 30-40 гг. XIX века) – Гегеля.

В начале- 20-х годов XIX века в Литве и Беларуси началось знакомство с философией Шеллинга. Глашатаем философского романтизма выступил Ю. Голуховский (1797-1858),

непосредственный ученик Шеллинга. В 1822 году в Эрлангене на немецком языке вышло его сочинение «Философия и ее отношение к жизни целых народов и отдельных людей», посвященное Шеллингу. (В 1834 году работа Ю. Голуховского была переведена «первым русским шеллингианцем» Д.М. Велланским на русский язык). Эта работа послужила основанием для приглашения Ю. Голуховского на кафедру философии в Виленский университет, где его преподавательская деятельность продолжалась весьма недолго (с осени 1823 – по февраль 1824 года). Суть лекций Ю. Голуховского, пользовавшихся необычной популярностью у слушателей, в том, что философия призвана помочь людям в осознании мира как гармонической божественной целостности, в поисках связей с творческими силами природы и преодоления социального атомизма. Каждый народ должен иметь свою национальную философию, а подлинный философ является органом народного самосознания, имеющим право в своем стремлении к истине не считаться с застывшими традициями и мнениями большинства. Индивиду философия должна дать «целостный взгляд на мир», чувство единства с народом и мирозданием, без чего невозможно становление личности. Несмотря на свою популярность, а может и вопреки ей, Ю. Голуховский после завершения процесса филوماتов, вместе с другими популярными профессорами (М. Бобровским, И. Даниловичем, И. Лелевелем) был лишен кафедры на основании «дурного влияния на молодежь».

Если Ю. Голуховский высоко ценил гегелевские идеи, то, ректор Петербургской римско-католической духовной академии и одновременно Могилевский митрополит Игнатий Головиньский (1807-1855) выступил против философии Гегеля. Он считал последнюю особенно опасной потому, что она рядилась в христианские одежды, использовала христианскую терминологию, выступала в форме пантеизма. В своем сочинении «Об отношении непосредственной философии к религии и нашей цивилизации» (1846) И. Головиньский критикует философию Гегеля и его сторонников за то, что последние стремятся познать истину, минуя естественное и сверхъестественное откровение.

Подобные же идеи излагал в своем труде "Христианская философия жизни в сравнении с пантеистической философией

нашего времени" (1853) бывший учитель латинского языка Свислочской гимназии, а затем профессор этого же предмета сначала в Киевском, а потом Московском университетах Максимилян Якубович (1785—1853).

Диалектические идеи гегелевского учения нашли выражение в журнале "Атенеум", выходившем в Вильно в 1841—1851 гг. На его страницах появился ряд публикаций, посвященных философии Гегеля, а также печатались отрывки из работ самого классика немецкой философии.

Одним из первых сторонников гегелевской философии в Беларуси и Литве был Т. Щеневский (1808—1860), личность и духовное наследие которого до сих пор остались вне поля зрения историков белорусской философии. Уже в первых номерах "Атенеума" выходят его статьи, популяризирующие гегелевские диалектические идеи — "О философии" (1841, т.4), "О необходимости" (1842., т.6), а также «Парафразы Гегеля из его введения в историю философии» (1842, т.1, 2, 5), излагавшие гегелевскую концепцию историко-философского процесса, по которой "вся история философии есть, по своему существу внутренне необходимое, последовательное поступательное движение". Т.Щеневский подчеркивал, что Гегель первым представил историю философии не как цепь случайных и отрывочных истин, а как логическое развитие человеческого духа. Эту работу Щеневского высоко оценил известный польский революционер-демократ Эдвард Дембовский (1822—1846) заявив, что она "выше всяких похвал". "Пусть этот муж столь высокого полета мысли трудится неустанно на ниве знания.... ибо как никто другой он может передать великие идеи одного из самых гениальных философов", — писал он. В 1842 году в Вильно вышла книга Т. Щеневского «Введение в историю человечества и человеческого духа», излагавшая гегелевскую философию истории.

Известную роль в пропаганде гегелевского учения в Беларуси и Литве сыграл Ю.И.Крагаевский (1812-1897). Он перевел и опубликовал ряд работ, посвященных Гегелю, в частности, один из разделов книги французского ученого А.Отта "Гегель и немецкая философия" (Париж, 1844) под

названием "Идея гегелевской системы". В переводе Крашевского раздел был сначала опубликован на страницах журнала «Атенеум», а затем вышел отдельным оттиском (Вильно, 1845). С точки зрения содержания, выбор раздела для перевода был сделан удачно, ибо давал довольно полное представление как о гегелевском методе, так и о философии немецкого мыслителя в целом, о которой, как писал переводчик в послесловии, "у нас много говорят, а мало знают".

Своеобразную позицию в философской мысли Беларуси и Литвы 30-50 гг. XIX века занимал несвижский адвокат Флориан Бохвиц (1799-1856), автор ряда философских сочинений, в которых предпринята попытка специфически трактовать немецкий идеализм и религию. В своих трудах Ф.Бохвиц часто высказывал идеи, неадекватные гегелевской интерпретации философии религии. Это вызывало обоснованную негативную реакцию его оппонентов, принимавшую порой иронические формы - Г.Ржевусского, И.Головиньского и др. "Признаю, что в трудах Бохвица можно заметить способность к глубокой рефлексии, - писал И.Головиньский, - однако мысль его лишена всякой опоры». Г.Ржевусский язвительно осмеял работу Ф.Бохвица "Очерк моих мыслей" в произведении "Литературные вечера".

Таким образом, основные философские идеи представителей немецкого идеализма второй половины XVIII – первой трети XIX века нашли творческое отражение в среде интеллектуалов Литвы и Беларуси. Все это способствовало развитию философской мысли в данном регионе, обсуждению здесь актуальных гносеологических, этических, эстетических, общественно-политических и педагогических проблем.

Таков краткий итог восприятия и влияния немецкого идеализма, который стал важным моментом в развитии философской мысли духовной культуры Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. См.: Notatka o Akademii i szkołach jezuitów w Połocku. Poznań, 1884. S. 18-19.

2. Abicht, I. *Initia philosophiae proprie sic dictae*. Vilnae, 1814.
3. Angiolini, J. *Institutiones Philosophicae. Ad usum Studiosorum Academiae Polocensis. Polociae*, 1819.
4. Buczyński, W. *Rozbiór wiadomości pomieszczonych w recenzji poemstu «Póltawa»*. Połock, 1818.
5. Dowgird, A. *Wykład przyrodzonych myślenia prawideł, czyli logika teoretyczna i praktyczna*. Połock, 1828.
6. См.: Шалькевіч, В.Ф. *Філасофія Канта ў Беларусі ў першай трэці XX ст.* // *Веснік БДУ. Серыя 3*. 1993. № 3. с. 24.
7. См: Tatarkiewicz, W. *Historia filozofii*. Warszawa, 1993. Т. 2. S. 186; *Filozofia polska*. Warszawa, 1967. S. 179-194; Szacki J. *Śniadecki Jan // Filozofia w Polsce. Słownik pisarzy*. Wrocław etc., 1971. S. 393.
8. Стаття Я. Снядецкого «О метафизике» в сокращенном виде переведена на русский язык и опубликована в сборнике «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей» (М., 1956. Т. 1. с. 641-652).
9. Sniadecki, J. *Pisma Filozoficzne*. Warszawa, 1958. Т. 2. S. 153.
10. Ibidem, s. 155.
11. Ibidem.
12. Sniadecki, J. *Pisma Filozoficzne*. Т. 2. S. 168.
13. Ibidem, s. 169
14. Ibidem, s. 169-170.
15. См.: *Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей*. М., 1956. Т. 1. с. 629-640.
16. О М. Массониусе см.: Szotek, B. *Marian Massonius a polska filozofia nowokrytyczna*. Katowice, 2001.
17. См.: Дорошевич, Э.К. *Философия эпохи Просвещения в Беларуси и Литве*. Минск, 1971. с. 87.
18. Дорошевич, Э.К. *Ангел Довгирд – мыслитель эпохи Просвещения*. Минск, 1967. с. 160-192.
19. Angiolini, J. *Institutiones Philosophicae. Ad usum Studiosorum Academiae Polocensis. Polociae*, 1819. P. 101, 104. В середине XIX века этот труд И. Анджиолини был переиздан в Италии.
20. Buczyński, V. *Institutiones Philosophicae. Pars Prima*. Viennae, 1843. P. 20-21.
21. Погодин, А.Л. *Виленский учебный округ. 1803-1834 // Сборник материалов по истории просвещения в России. Т.4. Вып. 1. СПб., 1902. с. XXVI, XVII. См.: также Дорошевич, Э.К. Философия*

эпохи Просвещения в Беларуси и Литве. Минск, 1971. С. 128; Chmielowski, P. Liberalizm i obskurantyzm na Litwie i Rusi (1815-1823). Warszawa, 1898.

Логовая Е.С., Булыго Е.К. Ментально-психическая мотивация поведения в системе государственного управления

В современной философско-культурологической литературе нынешнее состояние общества осмысливается через предикаты «культура молодых», «цивилизация, утратившая стыд», «культура с повышенной энтропией», «культура с противоречивой семантикой» и т.д. Привычными, ставшими почти аксиоматичными, являются в то же время ее определения в качестве полицентричной и диалогичной. В таком культурном пространстве информационно-техническая модернизация и ориентация на инновационную деятельность существенно опережают адаптационно-психологические возможности человека. Возникший дисбаланс проявляется, с одной стороны, в стремительном взлете психологии selfmadeness, дающей старт головокружительным карьерам и максимальной социальной реализованности, с другой, в таких явлениях, как децентрализация личности, рост деструктивного и девиантного поведения, маргинализация сознания, свидетельствующих об экзистенциальном кризисе. Какова же социальная и психологическая мотивация, предопределяющая позицию личности в современных стремительно меняющихся правилах социальной игры (и какая личность сегодня востребована)?

Психическая адаптация личности к ускоряющейся социальной динамике предполагает, в первую очередь, эффективный поведенческий алгоритм, позволяющий, с одной стороны, сохранить целостную структуру личности, с другой, - создать продуктивные механизмы адаптации и актуализации психофизиологического потенциала личности в ментальном поле современной культуры. Рассмотрение психической культуры в качестве интегративного фактора, позволяющего выстроить разладившийся механизм коммуникации между индивидом и обществом, обусловлено тем, что психическая культура индивида не есть сугубо индивидуальное явление, это интегральное образование, включающее в себя как индивидуально-личностные